

Спасо-Парголово-Владимир Шамонин

(Материалы к жизнеописанию)

Часть 16 О. ВЛАДИМИР ШАМОНИН И ОБНОВЛЕНЧЕСТВО (Часть 2)

В прошлом номере газеты мы подробно углубились в историю обновленчества в Русской церкви. Такой подробный разбор событий ним необходим как некая апология нашего героя. Сейчас «обновленчество» имеет однозначно отрицательную коннотацию. Но если мы погружаемся в реалии того времени достаточно глубоко, мы начинаем понимать, как трудно было сориентироваться тогда, в условиях сложнейшей исторической обстановки – пропаганды и дезинформации, цензуры и умалчивания, государственного террора и надзора с доносами. Сложнейшей для любого, даже простого верующего, не говоря о пастыре и настоятеле прихода...

После отказа о. Николая Соболева (хиротонисанного обновленческим епископом без принятия монашества) от управления епархией, о чём мы писали в прошлой части нашего материала, обновленческим главой епархии – владыкой Петроградским и Ладожским становится бывший викарный епископ Лужский Артемий (Ильинский), рукоположенный во епископы при Временном Правительстве. Перед этим «архиепископ» Николай Соболев отмежевался от «Живой церкви» Красницкого, таким образом, ПЕУ (Петроградское епархиальное управление), оставаясь обновленческим, перестало быть столь радикальным. При епископе Артемии делами обновленческой епархии фактически занимался священник Александр Боярский, среди всех обновленческих фигур первого ряда – самый привлекательный.

Находясь на территории Александрово-Невской Лавры, ПЕУ соседствовало с епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), который являлся и наместником Лавры, неформальным главой «Петроградской автокефалии» в хиротонии которого, в апреле 1922 г. участвовал и нынешний обновленец, глава епархии – еп. Артемий. Так продолжалось до тех пор, пока еп. Николай не был выслан в феврале 1923 г. в Усть-Кулом. После этого ПЕУ оказалось единственной структурой в Петрограде, претендующей на церковную власть. И перед многими городскими храмами вставал вопрос – принять того, кто есть, со вполне «приличным» рукоположением, или остаться вовсе без правящего архиерея.

22 марта 1923 г. датируется исходящий из ПЕУ документ за номером 362, адресованный «настоятелю Николо-Александровской церкви, на 2-й Рождественской улице, священнику Владимиру Шамонину», указывающий на то, что храм признаёт ПЕУ, то есть является, как и большинство петроградских храмов того времени – обновленческим.

Однако, предположение о возможно более раннем признании обновленческого руководства храмом, о чём мы писали выше, опровергает другой документ – просьба о финансовой помощи Петроградскому Богословскому Институту, подписанная и.о. ректора И. Щербовым. Этот институт, который был создан после закрытия новой властью Духовной Академии, должен был её заменить, став высшим учебным заведением при пастырских курсах, созданных взамен Семинарии. Ни Курсы, ни Богословский институт никогда к обновленцам, которые создали в Петрограде в 1924 г. свой «Высший Богословский институт, никакого отношения не имели». Документ датирован 31 декабря 1922 г.

О кратком периоде подчинения Бар-Градского прихода обновленческому Епархиальному Управлению свидетельствует и ещё один документ, адресованный «причту Николо-Барской на 2-й Рождественской церкви», датированный 20 апреля 1923 года (исходящий № 73) от «Благочинного 5-го столичного

го округа», за подписью «протоиерея П. Николаева» (?).

Вот текст этого документа: «На покрытие расходов по предстоящей поездке 6 делегатов от епархии на Всероссийский Церковный Собор, а равно и по содержанию их в Москве на время заседаний означенного собора требуются чрезвычайные денежные средства. Для сего, во имя постановления Епархиального Собора от 12 апреля сего года произведена раскладка на все церкви епархии, по каковой с Вашей церкви причитается 750 рублей дензнаками 1923 года. Благоволите означенную сумму с Вашей церкви представить мне в ПЕУ безотлагательно к 25 апреля с.г.».

К документу сделана приписка: «Ввиду состоявшегося 12 сего апреля, на Епархиальном Соборе единогласного избрания епископа Артемия на кафедру епископа Петроградского, предлагается Вам с сего числа производить за Богослужениями поминовение Преосвященного Артемия, епископа Петроградского и Лужского».

Речь в основной части документа идёт о «Втором Всероссийском Поместном Соборе», как называли его сами обновленцы, разумея под первым собором – Собор 1917-1918 гг. «Второй» собор стал одним из самых печальных и позорных эпизодов истории Русской Церкви. Собор проходил в Москве с 29 апреля по 9 мая с одобрения и при поддержке, фактически, организации богоборческих властей, до этого расправлявшихся и с верующими, и с иерархами и отлучённых от Церкви Патриархом (позже, под нажимом он снял свою анафему). Патриарх Тихон в это время был под очередным арестом (с 19 апреля по 27 июня) – властью обсуждалось – устраивать ли над ним публичный процесс, или нет, и, понятно, что если бы решение о процессе было положительным – исход его был бы однозначен...

...Едины делегаты собора были лишь в том, что признали совласть. Обновленцы внутри себя поделились на несколько спорящих между собой группировок. Почти 500 делегатов собора (476, если быть точными, из них – 66 епископов, только 17 из которых имели «дообновленческую», или «внеобновленческую» хиротонию, среди которых был и правящий обновленческий епископ Петроградский Артемий) представляли «Живую Церковь» Красницкого, сибирскую «Живую Церковь» «митрополита»

Петра Блинова, больше склонявшуюся в сторону СОДАЦ, Союз Общин Древле-Апостольской Церкви Введенского и Боярского, очень небольшую группу «Возрождение», однако очень авторитетного и мощного как личность «митрополита» Антонина Грановского, позже абсолютно разругавшегося со всеми остальными обновленцами по разным вопросам, но в первую очередь, женатого епископата (но это было уже после собора – с конца октября 1923 г. группировка «Церковное Возрождение» Антонина до самой его кончины в 1927 г., и всего на год его пережив – до ареста «еп.» Василия (Лебедева) в 1928 – действовала независимо от остального обновленчества). Неизвестно, как на Соборе оказались 66 так называемых «умеренных тихоновцев», так как большинство сторонников Патриарха предпочло «собор» проигнорировать.

Собор открывался в Храме Христа Спасителя, а проходил в предоставленном властями «Третьем Доме Советов» – экспроприированном здании Московского Дворянского Собрания.

Главными решениями «Собора» были: поддержка советской власти, извержение из сана и лишение монашества Патриарха Тихона с осуждением патриаршества «как монархического и контрреволюционного способа управления церковью»: «отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин (этот пункт не подписали три епископа старого поставления, в том числе будущий патриарх Сергей, первые двое – собор «прогуляли», а третий – был на тот момент под арестом)», переход на Григорианский календарь, отлучение всех участников Собора в Сремских Карловцах (будущей РПЦЗ), признание женатого епископата, наряду с монашествующим, одобрение закрытия большинства монастырей и превращения их в трудовые коммуны. Дискутировался вопрос о том, стоит ли поклоняться св. мощам, и не нужно ли их захоронить, однако, большинство собора, поддержанное яркой речью «митрополита» Антонина Грановского на это не согласилось...

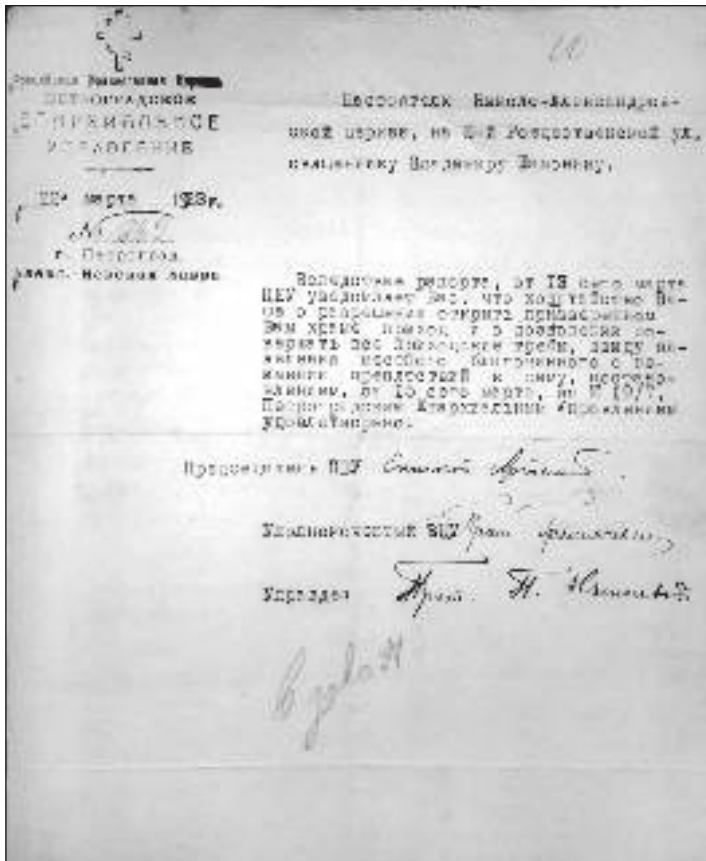
8 мая начальник 6-го отделения СО ГПУ и секретарь антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б), один из самых известных гонителей церкви в Советской России Е.А. Тучков сопровождал в специально поданном «фордике» «делегацию собора» в составе архиепископа Виталия Тульского (Введенского,

однофамильца Александра Введенского), «митрополита Сибирского» Петра Блинова, архиепископа Леонида, архиепископа Петра Сергеева, протоиерея В. Никольского и других, всего 8 человек к находящемуся под арестом в Донском монастыре патриарху Тихону (перед этим его привезли из внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке). Протолкнувшись через толпу народа, дежурившего с передачами и просто желавшего поддержать святейшего в узах (именно эта поддержка, да ещё ультиматум лорда Керзона от того же 8 мая о преследованиях верующих и церквей и спасли ему жизнь – видя её, власть боялась народного бунта и международных санкций в случае расстрельного приговора) – делегация вошла к патриарху и Блинов подал бумагу со словами: «Василий Иванович, мы Вам принесли определение собора по вашему делу. Не угодно ли будет прочесть его?». Первосвятыни ничем не показав никаких чувств – сел к столу, надел очки, просмотрел и написал свой ответ: «Прочёл. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю и потому законным его решение принять не могу». Патриарх Тихон (Василий Белавин). 22 апреля / 4 мая 1923 года. Обновленцы требовали от Патриарха снять монашеские одежды (они привезли с собой брюки и пиджак), на что получили категорический отказ.

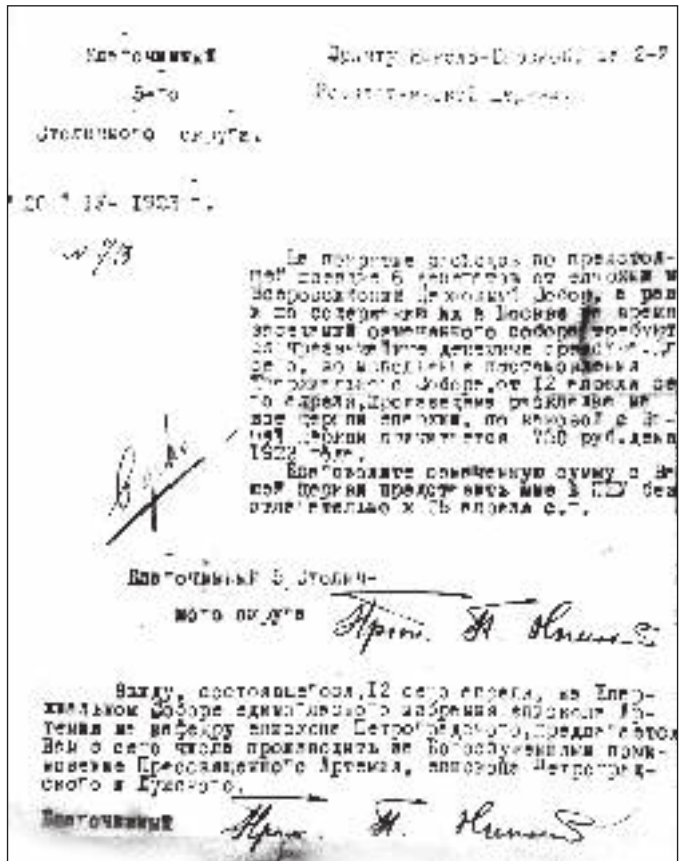
За все уступки на соборе (фактически организованном властями), обновленцы получили легализацию в Наркомате Юстиции: Высший Церковный Совет (ВЦС) обновленцев был признан советской властью официально (в отличие от структур Патриарха Тихона, существовавших до самой его кончины на полугалегальных основаниях). Однако, как показали сводки ГПУ, собиравшего сведения о настроениях населения – большинством простых людей снятие сана с патриарха Тихона решительно осуждалось, и симпатии были на его стороне. И если к концу 1922 года больше двух третей храмов на контролируемой совластью территории принадлежало различным обновленческим течениям (а само институционально-оформленное обновленчество существовало до конца 40-х годов, пока поддерживалось и признавалось властью), то собор произвёл эффект холодного душа. Обновленчество пошло на спад, показав своё истинное лицо. О крахе обновленчества в Петрограде и о возвращении Бар-Градского храма в лоно патриаршей церкви мы расскажем в следующем номере.

О. Куликов

продолжение следует

Документ с печатью обновленческого ПЕУ, о регистрации Бар-Градского прихода на имя о. Владимира Шамонина, за подписью «Председателя ПЕУ» епископа Артемия. (22 марта 1923 г.) (ЦГИА СПб, Ф. 897. Оп. 1. Д. 5. Л. 10)

Документ от Благочинного Причту «Николо-Барской церкви» о сборе средств на поездку депутатов епархии на «Всероссийский Церковный Собор» и о поминании за богослужением епископа Артемия как правящего (ЦГИА СПб, Ф. 897. Оп. 1. Д. 5. Л. 11)